

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ВОЖДЕСТВА, МОНАРХИИ, КНЯЖЕНИЯ*

С.А. Васютин

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР «ДОФЕОДАЛЬНЫХ ВАРВАРСКИХ ОБЩЕСТВ» В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Современное осмысление истории обществ прошлого нередко предполагает выход исследователя за пределы узко специальных знаний и его обращение к опыту других гуманитарных наук. На практике междисциплинарность исследования зачастую достигается не столько за счет синтеза данных различных гуманитарных направлений, сколько вследствие диалога и скорее даже полемики истории с археологией, антропологией, социологией, демографией и другими науками. Именно на основе подобных дискурсов происходило рождение новых исторических подходов, таких как история ментальностей, историческая антропология или микроистория. Для нас весьма важно, что их апробация и складывание «новой социальной истории» во многом осуществлялись на материалах Средневековья и раннего Нового времени и уже принесли значимые результаты. Однако даже в изысканиях медиевистов до сих пор сохраняются значительные тематические и хронологические «лакуны», связанные с недостаточным применением теоретического арсенала других гуманитарных наук. Возможность привлечения разработок социальных антропологов второй половины XX в. для систематизации наших представлений об эволюции управленческих институтов в «дофеодалных обществах» (преимущественно германских) и будет обсуждаться в этой статье.

* Раздел подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований РАН «Власть и общество: инструменты властвования и формы легитимации власти в средневековой Европе».

Проблемы становления государства у «варваров» активно изучались в советской историографии¹. При этом отечественные медиэвисты при реконструкции политической эволюции «варварских» обществ чаще всего исходили из непосредственного перехода от структур власти поздней первобытности к раннефеодальным режимам. Важное место в трактовке процессов формирования классовых обществ и государства занимало разработанное Л. Морганом и Ф. Энгельсом понятие «военная демократия». В советских исследованиях концепт «военной демократии» господствовал вплоть до 80-х годов. Несмотря на то, что теория «военной демократии» неоднократно подвергалась обоснованной критике², она сыграла важную роль в осознании исследователями сложности, многоэтапности и многолинейности перехода «варваров» к государственной организации.

Не без влияния западных исторических и этнолого-антропологических изысканий в отечественной историографии в 60–80-е годы XX в. активно обсуждались проблемы переходных структур и появились концепции «раннеклассового» общества³,

¹ Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М., 1929; Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Шаскольский И.П. Возникновение раннеклассового общества и варварского государства (IX–XI вв.) // История Швеции. М., 1974. С. 79–83; Неусыхин А.И. Военные союзы германских племен около начала нашей эры // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974. С. 390–412; Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977; Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства (конец IX–начало XIII в.) // История Норвегии. М., 1980. С. 124–128; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984, и др.

² Трансформация концепции «военной демократии» проявилась еще в трудах А.Р. Корсунского. Более детальную ее критику дали: Хазанов А.М. Военная демократия и эпоха классовобразования // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 78–97; Крадин Н.Н. Политогенез // Архаическое общество. М., 1991. С. 264–287; Он же. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 12–13, 19–22; Он же. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 7–18; Лыниша В.А. Загадка Энгельса // Там же. С. 36–58; Коньков Д.С. Проблема власти в раннесредневековом обществе: историографический и методологический аспекты: дисс... канд. ист. наук. Томск, 2004. С. 15–22.

³ См. сб.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975; Становление классов и государства. М., 1976; Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982; Фридрих Энгельс и проблемы развития древних обществ. Киев, 1984;

первый опыт анализа категории «вождество» (chiefdom)⁴, теория «власти-собственности»⁵. В медиевистике данные тенденции отразились в разработке А.И. Неусыхиным понятия «дофеодальное общество»⁶, а также в изучении проблем «варварской» государственности А.Р. Корсунским⁷. Влияние «антропологически ориентированной истории» в большей степени проявилось в трудах А.Я. Гуревича⁸. Его исследования ментальности, специфики социальной системы и политических процессов в обществах Северной Европы раннего Средневековья до сих пор играют определяющую роль для отечественной историографии. Он первым из советских медиевистов привлек широкий круг этнологических аналогий с целью раскрытия механизмов социаль-

От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987; Архаическое общество: Узловые проблемы социального развития. М., 1991. Ч. I–II, и др. См. также: Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979; Павленко Ю.В. Раннеклассовое общество (генезис и пути развития). Киев, 1989.

⁴ Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125–177; Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 241–277; Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 168–185; *Он же*. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175; *Перишц А.И.* Вождество // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. Вып. 1. С. 35–37; Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; Березкин Ю.Е. Инки: исторический опыт империи. Л., 1991. С. 64–69, и др.

⁵ Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 60–99; *Он же*. Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.

⁶ Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–87; *Он же*. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (тезисы доклада) // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 45–48.

⁷ Корсунский А.Р. Указ. соч.; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Указ. соч.

⁸ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970; *Он же*. История и сага. М., 1972; *Он же*. Норвежское общество в раннее средневековье: проблемы социальной истории и культуры. М., 1977; *Он же*. «Эдда» и сага. М., 1979; *Он же*. Категории средневековой культуры. М., 1984; *Он же*. Культура средневековья и историк конца XX века // История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: курс лекций. М., 1998. С. 212–219, и др.

ных связей в варварских обществах Северной Европы⁹, а также выявил структурообразующую роль власти в «варварских» обществах. Еще в 70-е годы А.Я. Гуревич довольно обстоятельно раскрыл вопрос о формах сакрализации власти в раннесредневековой Скандинавии¹⁰.

Несмотря на определенные достижения отечественных ученых в изучении раннесредневековых «варварских» социумов, А.Я. Гуревич в конце 90-х годов XX в. констатировал, что его начинания не получили всестороннего развития в трудах российских медиевистов¹¹. Отчасти это объясняется несколькими моментами. Исследования А.Я. Гуревича в период 70-х – начала 80-х годов в какой-то мере «закрыли» проблематику сакрализации власти, роли дарообменных отношений в политической системе, социально-экономических и ментальных факторов возвышения конунгов. С конца 90-х годов в условиях смены исторической парадигмы и синтеза традиций разных исторических школ закономерно преобладание интереса отечественных исследователей к изучению социально-демографических, политических и ментальных структур классического и позднего Средневековья и раннего Нового времени. Власть во всех ее аспектах особенно интенсивно исследуется на историческом «поле» XIV–XVII вв., ибо эти изыскания обеспечены более или менее аутентичными источниками. Наряду с этим историко-антропологический взгляд на проблемы власти в «варварских» обществах получил развитие в целой серии публикаций¹².

⁹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма. С. 63–72.

¹⁰ См., например: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма. С. 72–81; *Он же*. «Эдда» и сага. С. 9, 12–16, 26–27, 41–43, 53 и далее.

¹¹ Гуревич А.Я. Генезис феодализма и генезис медиевиста. Злые мемуары в роли предисловия // Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. I: Древние германцы. Викинги. С. 13–14.

¹² Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987; *Она же*. Образование датского государства (VIII – середина XI в.). Эпоха викингов // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. С. 69–72; Бахитов С.Б. Эволюция культа королевской власти в Англии под влиянием континентальных традиций (теоретико-методологический и историографический аспекты): дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1998; Гуревич А.Я. От пира к лену // Одиссей. Человек в истории. 1999. М., 1999. С. 7–13. Глебов А.Г. К проблеме формирования органов публичной власти у англосаксов в VI–IX вв.: королевский совет // Средние века. М., 2007. Вып. 62. С. 3–12; Средние века. М., 2002. Вып. 63. С. 4–10; Хлебов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб., 2002. С. 50–73, 286–291; Коньков Д.С. Указ. соч., и др.

На рубеже XX–XXI вв. обозначился ряд проблем в области исследования власти в «дофеодальных» обществах. Во-первых, российским медиевистам были известны лишь классические антропологические труды Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Мосса, Б. Малиновского, Э. Эванса-Причарда и др. Исследовательские разработки антропологов 60–90-х годов в какой-то степени остались вне поля зрения историков Средневековья, и поэтому фактически не учитывалось формирование новых направлений в антропологии, строившихся на неозволюционистской и постструктуралистской основах. Во-вторых, медиевистами практически не привлекались теоретические разработки постпроцессуальной и социальной археологии. Это наглядно видно в еще весьма распространенных среди исследователей представлениях о первобытности «варваров». В-третьих, даже на материалах Северной Европы наблюдается «заряженность» ученых на изучение почти исключительно генезиса феодальных отношений, в том числе и в политической сфере. Акцент на феодальной модели общества приводил к тому, что все нефеодальные социально-политические формы сами по себе утрачивали для ученых самоценность¹³ и рассматривались в большей степени как переходные к феодализму («протофеодальные», «раннефеодальные») институты¹⁴. Причем существенные различия общественных процессов в пределах ранне-средневековой Европы обычно вписывались в концепции типологии генезиса феодализма. Ограничимся примером «вейцлы». Свой подход к изменению сущности вейцлы в течение VIII–XI вв. А.Я. Гуревич образно выразил в названии статьи «От пира к лену»¹⁵. Однако протофеодальная интерпретация вейцлы А.Я. Гуревичем слишком однозначна. Куда вернее определить

¹³ Редкое исключение: *Ковалевский С.Д.* Указ. соч.

¹⁴ *Корсунский А.Р.* Указ. соч. С. 73, 130–132; *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 79–83; *Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее средневековье; *Савелло К.Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 4–8; *Гуревич А.Я.* Образование раннефеодального государства. С. 131, 137; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 23, 27, 52, 61, 63, 68–71, и т.д.; *Мельникова Е.А.* Меч и лира; *Сванидзе А.А.* Северо-западная Европа в раннее средневековье // *История Европы.* Т. II: Средневековая Европа. М., 1993. С. 171, 179–180, 186–194; *Мельникова Е.А.* Образование датского государства. С. 72 и др.; *Гуревич А.Я.* От пира к лену. С. 7–13; *Он же.* *Викинги* // *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Т. I: Древние германцы. Викинги. С. 180–181.

¹⁵ *Гуревич А.Я.* От пира к лену. С. 7–13.

вейцу как одну из форм редистрибуции. Редистрибуция (обмен правителем авторитета на материальные ценности и престижные роли – в данном случае право на участие в пире) хорошо известна во многих архаичных и традиционных обществах¹⁶. Поэтому само по себе складывание и развитие различных форм перераспределения правителем части общественного продукта не связано с генезисом феодализма.

В-четвертых, в современных отечественных публикациях нет системного осмысления политогенеза «варварских» народов, т.е. нет ясной концепции, позволяющей упорядочить наши представления об основных направлениях эволюции управленческих институтов «варваров» в течение I тысячелетия н. э. Показательно, что в довольно объемных монографиях В.П. Будановой¹⁷ вопросам организации власти у германцев и в «варварских» королевствах уделяется лишь незначительное внимание, а в ее статье «О некоторых перспективах исследования Великого переселения народов»¹⁸ проблемы политогенеза «варваров» практически не затрагивались. В-пятых, медиевисты не смогли разработать единый понятийный аппарат, который более или менее адекватно отразил бы сущность управленческих институтов «варварских» народов до момента складывания у них раннефеодальной государственности. Тот факт, что исследователи до сих пор используют понятие «военная демократия» как обозначение ряда переходных социально-политических форм от первобытности до раннего феодализма (!), а многие общественные институты «варваров» (устойчивые родственные связи, проявлявшиеся в многочисленных религиозных, правовых и бытовых ритуалах и процедурах; взаимодействие родственников в сотенных судах; наследование земли и другого имущества в рамках клана и т.п.) трактуются как «пережитки первобытнообщинных

¹⁶ Такие примеры приводит и сам Арон Яковлевич. См.: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма. С. 66–68; *Он же.* Культура средневековья и историк конца XX века. С. 247–249; См. также: *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности. С. 66–83; *Березкин Ю.Е.* Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // *Альтернативные пути к ранней государственности.* С. 99; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология: учебн. пособ. М., 2001. С. 74–82.

¹⁷ *Буданова В.П.* Готы в эпоху великого переселения народов. СПб., 1999; *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000.

¹⁸ *Буданова В.П.* О некоторых перспективах исследования Великого переселения народов // *Средние века.* М., 2000. Вып. 61. С. 139–153.

отношений», ясно показывает необходимость модернизации теоретических основ и категориального аппарата истории Средневековья. Стоит признать, что данная проблема в медиевистике осознавалась¹⁹, но исследования в этом направлении пока находятся в начальной стадии.

Между тем антропологическая наука последней трети XX в. дает несколько вариантов решения рассматриваемой в статье проблемы. Социальная антропология (теперь ее специальный раздел – политическая антропология) обладает значительным кругом категорий, разработанных на основе длительного изучения догосударственных и раннегосударственных образований и детально отражающих процессы становления и развития власти. Наиболее адаптированным к историческим материалам «варварской» Европы является концепция потестарно-политического развития позднепервобытных и постпервобытных обществ на основе неозволюционистской схемы общественно-политического развития. Она дает возможность выявить определенную этапность в эволюции политических институтов «варваров», учитывать многолинейность и асинхронность исторического развития, раскрыть факторы политогенеза и показать обратимость процессов политической интеграции.

В основе неозволюционистской концепции лежат теории «вождества» и «раннего государства». Каждое из этих понятий достаточно дифференцировано. Так, исследователи выделяют первичные и вторичные вождества или обращают внимание на определенную их «специализацию» (военные, теократические вождества). Также существует деление на простые, сложные, суперсложные вождества²⁰.

Теории «вождества» и «раннего государства» наиболее фундаментально были сформулированы в трудах Э. Сервиса²¹, Т. Эрла²²,

¹⁹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма. С. 17, 63, 134–135, 151–152, 167–168; *Он же*. Норвежское общество в раннее средневековье; *Он же*. Культура средневековья и историк конца XX века. С. 249–251; Колесницкий Н.Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I–V вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 5–26; Горский А.А. Социально-экономические условия в эпоху классовобразования и понятие «военная демократия» // Средние века. М., 1986. Вып. 49. С. 213–219.

²⁰ Крадин Н.Н. Вождество. С. 22–26.

²¹ Service E. Primitive Social Organization. N.Y., 1962/1971; *Idem*. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

²² Earle T. Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. N 16. P. 279–308; *Idem*. Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology. Cambridge, 1991.

А. Саутхолла²³, Р. Адамса²⁴, М. Салинза²⁵, Р. Карнейро²⁶, Х. Дж.М. Классена и его соавторов – П. Скальника, Р. Ван де Вельде²⁷ и др. Данные разработки оказали весьма существенное влияние на теоретические основы археологических, исторических, антропологических исследований в России. В отечественной историографии наиболее обстоятельный анализ теорий «вождества» и «раннего государства» сделал Н.Н. Крадин²⁸. «Вождество» и «раннее государство» как теоретические модели в 90-е – начале 2000-х годов были апробированы в научных²⁹ и учебных³⁰ публикациях российских исследователей.

С середины 90-х годов XX в. новая концепция политогенеза стала использоваться и в отечественной медиэвистике. Неозволю-

²³ Southall A. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // *Early State Economics*. New Brunswick; L., 1991. P. 75–96; Саутхолл Э. О возникновении государства // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000. С. 130–136.

²⁴ Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin; L., 1975.

²⁵ Sahlins M. Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.

²⁶ Carneiro R. The Muse of History and the Science of Culture. N.Y.; L.; Moscow, 2000; Карнейро Р. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании возникновения государства // *Альтернативные пути к цивилизации*. С. 84–94.

²⁷ Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State. The Hague: Mouton, 1978; *Idem*. The Study of the State. The Hague: Mouton, 1981; Claessen H.J.M., Velde P. van de. Early State Dynamics. Leiden, 1987; *Idem*. Early State Economics. New Brunswick, 1991; Claessen H.J.M., Oosten J.G. Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996; Claessen H.J.M. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000; Классен Х.Дж.М. Проблемы парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации*. С. 6–23.

²⁸ Крадин Н.Н. Вождество. С. 11–61; *Он же*. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному. С. 7–19; *Он же*. Современные данные о происхождении государства // *Вестник НГУ. Серия: история, филология*. Новосибирск, 2005. Т. 4, вып. 1. История. С. 23–32.

²⁹ Березкин Ю.Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. С. 62–78; *Он же*. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // *Вестник древней истории*. 1997. № 2. С. 3–24; Бондаренко Д.М. Вождества в доколониальном Бенине // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. С. 140–152; *Он же*. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке. М., 1997; *Он же*. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // *Восток*. 1998. № 1. С. 195–202; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997; Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынина В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации*. С. 24–83; Коротаев А.В. Социальная эволюция. М., 2003, и др.

³⁰ Крадин Н.Н. Политическая антропология. С. 128–150.

ционистская схема применялась преимущественно для изучения древних германцев, славян, раннесредневекового населения Скандинавии и Британских островов³¹. Этот опыт нам представляется весьма продуктивным и позволяет системно рассмотреть процесс становления ранней государственности в категориях социальной антропологии.

Большинством отечественных медиевистов признавалась специфика скандинавских властных структур и социума в целом, что вписывалось в рамки разработанных в 60-е–80-е годы прошлого века концепций «варварского», «дофеодального», «раннеклассового» обществ. Категория «варварское общество» так и не получила конкретного содержания и определенных хронологических рамок. С равным успехом «варварскими» называют политические образования германцев V–VII вв. как в Юго-Западной Европе, где римский мир в течение жизни одного–двух поколений «варваров» преобразовал завоевателей, так и на севере континента, где стереотипы древнегерманской жизни господствовали столетиями. Дефиницию «раннеклассовое общество» мы считаем самой неудачной, так как она обычно употребляется в отношении социумов, где общественная стратификация строится не на «классовых» принципах. Наиболее разработанными критериями в отечественной медиевистике обладало понятие «дофеодальное общество»³², однако концептуальная трактовка этого термина так и не вышла за пределы характеристик, высказанных в весьма тезис-

³¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995. С. 17–38; Лозный Л. Переход к государственности в Центральной Европе // Альтернативные пути к ранней государственности. С. 105–116; Пчелов Е.В. К вопросу о времени возникновения древнерусского государства // Там же. С. 117–127; Бахитов С.Б. Указ. соч.; Васютин С.А. Перспективы социальной антропологии в изучении общественно-политических структур Европы периода раннего средневековья // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы: мат. научно-практич. конф. Владивосток, 2002. С. 34–38; *Он же*. Эволюция верховной власти и идеальная модель ранней государственности в дохристианской Скандинавии // История и социология государства (Тр. гуманитар. ф-та НГУ). Новосибирск; 2003. С. 55–66; Санников С.В. Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: проблемы политогенеза // Там же. С. 36–55; *Он же*. Религия на службе королевской власти в дохристианской Германии и Скандинавии // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4, вып. 1. История. С. 33–42; Коньков Д.С. Указ. соч., и др.

³² Неусыхин А.И. Дофеодальный период. С. 75–87; *Он же*. Дофеодальный период... (тез. докл.). С. 45–48.

ных публикациях А.И. Неусыхина. В связи с этим представляется необходимым определить социально-исторические контуры «дофеодальных» / «варварских» обществ. При этом необходимо учесть, что характеристика данных обществ должна быть тесно увязана с современными представлениями о постпервобытных социумах в археологии, этнологии и антропологии.

По предположению А.И. Неусыхина, «дофеодальное общество» существовало на переходе от первобытности к феодализму. В нем ведущую экономическую, социальную и политическую роль играли свободные. Существовавшие в таких обществах рабы и зависимые люди выступали в качестве социальной периферии: их труд носил второстепенный характер. Историческим примером А.И. Неусыхину служило франкское общество начала VI в. Он убедительно показал, что в этом обществе только складывались предпосылки для зарождения феодализма (формирование знати, социальной дифференциации), но само франкское общество было еще дофеодальным. Главным производителем оставался свободный франк. Он был лично свободен и владел землей, обладал комплексом прав, участвовал в сотенном и племенном собраниях, его защищал закон и т.д.

Современный взгляд позволяет распространить «дофеодальную» характеристику на общества германцев (включая как древних германцев, так и социумы скандинавов, англосаксов в Британии, фризов, саксов, тюрингов в германских землях), кельтов, славян и других «варваров» I тысячелетия н.э. Дофеодальные социальные структуры в Северной, Восточной и отчасти Центральной Европе просуществовали довольно долго, вплоть до классического Средневековья. Но нам кажется ошибочным определение древнегерманских или других «варварских» обществ начала – середины I тысячелетия н. э. как обществ «первобытных», «позднепервобытных», «первобытнообщинных». Современные археолого-антропологические классификации не считают общества с производящей экономикой первобытными³³. С этой точки зрения первобытными не были многие общества эпохи классической бронзы – раннего железа. Тем более нет оснований называть «первобытными» древнегерманские племена,

³³ В схеме общественного развития населения Ютландии, которую мы можем проецировать и на другие германские народы, время существования развитой родовой общины (!) и родоплеменного строя относится соответственно к неолиту и бронзовому веку. См.: *Мельникова Е.А. Первобытное общество // История Дании. С. 6.*

экономические, социальные и культурные практики которых далеко «ушли» от «первобытности». Стоит напомнить лишь некоторые из них: строительство искусственных холмов (терпы), акцент в хозяйстве на различные формы животноводства и земледелия, бытование старшего рунического алфавита, развитые обычно-правовые традиции и ритуалы, организация судопроизводства по округам со свидетелями, соприсяжниками, многочисленными судебными процедурами, языческий пантеон, мало чем уступавший по сложности и специализации греческому или римскому. Эти характеристики легко дополнить данными археологии, которые также «выдают» далеко не «первобытный» характер древних германцев. Так, например, археологические памятники свидетельствуют о существовании у вестготов в Поднепровье в IV в. «...домашнего производства (лепная керамика, прядение и ткачество)..., металлообработки, ювелирного дела... Готы строили корабли, умели пользоваться осадными машинами...»³⁴. Весьма диссонируют представления о первобытности древних германцев с информацией источников о приобретении ими в римских городах вина, соли, оливкового масла, оружия, украшений, римской одежды³⁵. Более того, захоронения германцев в Скандинавии, Британии и на континенте свидетельствуют о весьма развитых местных центрах по изготовлению оружия, ювелирных украшений и различных бытовых предметов³⁶. К этому стоит прибавить строительство «длинных домов», усадеб, кораблей (каноны кораблестроительства, судя по находке остова судна в Хьертшпринге на датском острове Альс (IV в до н.э.), формировались в Скандинавии еще во второй половине I тысячелетия до н.э.)³⁷.

Сходную характеристику производственному комплексу германцев дает В.П. Буданова. В частности она отмечает, что германцы преуспевали в ткачестве и гончарном деле, в изготовлении оружия, одежды, утвари и орудий труда. По мнению исследовательницы, германские племена активно занимались торговлей (существовали как пункты внутренней торговли – укрепленные поселения набирающих силу германских правителей, так и центры

³⁴ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Указ. соч. С. 33.

³⁵ Там же.

³⁶ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 31–36, 41–43 и др.; Вильсон Д.М. Англосаксы. Покорители Британии. М., 2004. С. 42–51, 103–110, 121–147; Todd M. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 86–109, 114–119, 125–132.

³⁷ Хлевов А.А. Указ. соч. С. 80–81, 86–108.

торгового обмена с римлянами – Кельн, Трир, Аугсбург, Регенсбург и др.)³⁸.

К тому же вряд ли стоит рассматривать в качестве признака «первобытности» у германцев I тысячелетия н.э. сохранение широкого круга родственных отношений. Родственная солидарность, задействованность родственников в судебно-правовых процедурах, сохранение большесемейных коллективов наряду с формирующимися «малыми» семьями фиксируются у многих народов, сохранивших традиционный образ жизни, и отнюдь не были «пережитками» родового общества, а выступали как наиболее востребованные и надежные социальные связи. Восприятие поруки родственников вергельдом и имуществом, а также символических процедур, в которых участвовали родственники у франков в VI в., только как «пережитков» или сохранившихся «родовых отношений» нам кажется глубоко ошибочным. На это еще в своей знаменитой монографии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» указал А.Я. Гуревич³⁹. Вне контекста устойчивых социальных связей, строившихся на родственной основе и отличавшихся своей стабильностью на протяжении столетий, будут непонятны механизмы сохранения прав на индивидуальные земельные участки (аллод, фольклэнд, одал) членов больших семей даже через значительные промежутки времени после их распада⁴⁰. Таким образом, характеристика германского общества начала I тысячелетия н.э. как «первобытнообщинного» концептуально устарела.

Общественная система древних германцев той эпохи обладала определенным фундаментальным сходством с социальной организацией франков вплоть до конца VI в., англов и саксов в Британии вплоть до VIII в., континентальных саксов до IX в., скандинавского населения до начала классического Средневековья. Во всех этих обществах главным социальным субъектом является свободный человек, а вся социально-правовая и ритуальная практика направлена на защиту интересов свободных. *Это позволяет рассматривать «дофеодальные» «варварские» социумы в рамках одной макроструктуры, характерной для эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, которую мы условно обозначаем как «дофеодальный» период.* Дофеодальное общество – это не просто общество с ведущей экономической и социаль-

³⁸ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 20.

³⁹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма. С. 13, 16.

⁴⁰ Там же. С. 34–38.

ной ролью свободных, но и с многоуровневой дифференциацией среди свободных. Как у древних германцев, так и в более поздних дофеодальных обществах (франкском, англосаксонском, норвежском) сохраняли свое значение такие факторы дифференциации среди свободных:

- возраст (отмечаются этапы взросления, обряды инициации);
- пол (гендерное неравенство проявлялось в хозяйственных занятиях, социально-политических полномочиях, наследовании и т.д.);
- принадлежность к знатному «авторитетному» роду, традиционно связанному с военным и/или гражданским управлением, выполнением сакральных функций;
- обладание властью, а также приближенность к лицам, выполняющим властные или другие престижные функции;
- личные заслуги, особенно военные успехи (не случайно в системе ценностей «варварского» мира сделан акцент на военных подвигах и успехах);
- имущественная дифференциация (богатство служило средством влияния на общество через механизмы «престижной экономики»).

На основе данных признаков выявляется сложная система дифференциации свободных в дофеодальных обществах. Если к этому мы прибавим ранжирование военно-политической знати (вожди/конунги/короли – родовая знать – служилая знать разных рангов – дружина и т.п.) и наличие «несвободных» и зависимых категорий населения, то увидим, что ни о каком первобытном типе социальной структуры говорить не приходится. *Таким образом, дофеодальные общества не предстают перед нами как переходные от «первобытных» и «эгалитарных» к социально стратифицированным и дифференцированным.* Но это не означает, что «дофеодальные общества» статичны и не эволюционировали. Основные направления социальной эволюции в дофеодальных обществах в течение I тысячелетия н.э. были связаны с ростом властных полномочий конунгов и их окружения, становлением служилой знати и закреплением в письменном «варварском» праве особого положения тех лиц, которые находились на королевской службе, развитием процессов имущественной дифференциации, увеличением удельной доли людей зависимого и рабского статуса в домохозяйствах знати и т.д. Таким образом, эволюция общественных систем была тесно связана с трансформацией властных структур от племенных к раннегосударственным, с изменением статуса власти. В рамках этого процесса можно

выделить несколько этапов. Первый из них связан с организацией управления у древних германцев.

Власть у древних германцев представлена несколькими «должностными лицами» и институтами. Чаще всего Цезарь и Тацит упоминают *principes* («старейшин»?). Старейшины, избираемые на народном собрании, как пишет Цезарь, «творят... суд и улаживают споры»⁴¹. Тацит детализирует картину. Он указывает, что старейшины осуществляют «суд по округам (видимо, упоминаемым Цезарем «сотням») и деревням»⁴². Причем при каждом старейшине «находится по сто человек свиты их народа для совета и предания его решениям авторитета». Также старейшины составляли отдельный совет («сенат» Цезаря?), «заседания» которого предшествовали народному собранию. На таких «совещаниях» и могли решаться отдельные вопросы, не выносимые на обсуждение собрания («о менее значительных делах совещаются старейшины, о более важных – все»). Старейшины выступали в собрании, а также могли участвовать в обрядах инициации. Большой властью пользовались старейшины в своих кланах. В описании Цезаря и Тацита именно они «делили» землю, что, вероятно, означает их право распоряжения семейным имуществом и руководства семейно-клановым (домохозяйственным) коллективом. Функции «гражданского» правителя, по-видимому, исполнял *rex* («царь», «царек», чаще не совсем верно переводят как «король»). К сожалению, упоминание его функций эпизодично. «Королей» выбирали «по знатности», пишет Тацит, а их властные полномочия подчеркнуты тем, что часть штрафов за преступления уплачивались королю или племени⁴³ (во франкском и других «варварских» государствах короли по традиции также получали определенную долю штрафов).

Гораздо более колоритно описывает Тацит военных вождей (*dux*). Они избираются «по доблести» и «главенствуют скорее примером, чем на основании права приказывать». В сражении вождю «стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной]». Так что древнегерманские вожди – лидеры харизматические, и власть их во многом держалась на личной храбрости, мужестве, удаче. В тоже время Тацит пишет, что «большая знат-

⁴¹ Цезарь. Записки о галльской войне. Книга VI. Гл. 23 / Пер. Е.П. Глушанина // История Германии: учебн. пособ. для студентов вузов: в 3-х т. Т. 3: Документы и материалы. Кемерово, 2005. С. 7.

⁴² Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. Гл. XII / Пер. Е.П. Глушанина // Там же. С. 7.

⁴³ Там же. Гл. XII.

ность и выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам». Таким образом, авторитет вождя – это еще и авторитет его клана. Важную роль в управлении дружинами и поддержании авторитета вождей играла «престижная экономика». «Существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что из своего скота и плодов земных», и это принимается вождями «как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд». Кроме того вожди получают подношения и дани от других племен (отборных коней, оружие, украшения, деньги⁴⁴), определенную часть военной добычи. Но все эти многочисленные источники доходов не столько обогащают вождя, сколько расходуются на содержание его окружения и дружины. Вождь устраивает для дружинников обильные пиры и одаривает их оружием и боевыми конями. Чем щедрее вождь, тем выше его авторитет и многочисленнее его дружина. Вождям, «чья дружина выделяется численностью и доблестью, это приносит известность и прославляет его не только у себя в племени, но и у соседних народов; его домогаются, направляя к нему посольства и осыпая дарами»⁴⁵. Действует замкнутый механизм престижных связей, центральным звеном которых является удачливый вождь. Среди других должностных лиц названы жрецы, которые руководили работой народного собрания и приводили в исполнение судебные решения (поскольку эти наказания исполнялись «по повелению бога»).

Вероятно, народное собрание не в последнюю очередь выполняло культовые действия, и поэтому правом устанавливать тишину и наказывать нарушителей обладали жрецы. Во-вторых, собрание «совещалось» о делах племени. В-третьих, «перед народным собранием можно ... выступать с обвинением и предлагать разбирательство дела, влекущего за собой смертную казнь»⁴⁶. В-четвертых, на собрании производились выборы старейшин, королей и даже, как пишет Цезарь, военных предводителей племени. В-пятых, в народном собрании происходили инициации. Несмотря на широкий спектр действий народного собрания, ни у Цезаря, ни у Тацита не сказано, что собрание – единственный политический институт, правомочный решать вопросы мира и войны. Контекст «Германии» заставляет предполагать, что вождям не требовалась санкция народного собрания для нападения на соседние племена. Более того, многие вопросы наряду с собранием

⁴⁴ Там же. Гл. XV.

⁴⁵ Там же. Гл. XIII.

⁴⁶ Там же. Гл. XII.

могли обсуждаться на пирах, в том числе «о примирении враждующих между собой, о заключении браков, о выдвижении вождей (!), наконец о мире и войне» (!)⁴⁷.

Таким образом, описанная Цезарем и Тацитом система власти у древних германцев представляла собой племенную форму управления с разделением функций между различными субъектами власти. Ее наиболее важными признаками были: 1) клановые принципы управления; 2) разделение гражданской и военной власти; 3) опора военной власти на дружину и стремление к автономии, распространение ее компетенции на клан (племя) только в военное время; 4) отсутствие «пирамиды» власти, ее «горизонтальный» характер (нет лиц, возвышавшихся над другими участниками управления); 5) в распределении прибавочного продукта доминирование реципрокации (горизонтального распределения) над редистрибуцией (иерархическим вертикальным распределением, пока ограниченным взаимоотношением вождя и дружины, вождя и ряда зависимых кланово-племенных групп).

Наряду с этим уже в I в. до н. э. – I в. н. э. мы увидим и другую форму политической интеграции. Речь идет о первых простых («первичных») вождествах – союзах во главе с харизматическими лидерами – Ариовистом, Марободом, Арминием. Такие союзы были очень непрочными и распадались сразу после смерти или свержения этих лидеров. Но неустойчивость была присуща и куда более обширным и могущественным вождествам. Достаточно вспомнить судьбу державы Аттилы. Несмотря на то, что в ней сложилась этническая иерархия (привилегированное положение занимали гунны, вслед за ними шли остготы с «королями» – братьями Валамиром, Теодемиром и Видемером, затем гепиды, возглавляемые Ардарихом, скиры и другие племенные группы⁴⁸), Аттилой так и не был выработан механизм управления, способный интегрировать участников «державы» в более тесный союз. Поэтому смерть Аттилы привела к быстрому распаду «державы». Вероятно, аналогичный политический характер носило и так называемое «княжество Само»⁴⁹.

Бурная эпоха Великого переселения народов не прошла бесследно для социальной организации и управленческих сис-

⁴⁷ Там же. Гл. XXII.

⁴⁸ Иордан. О происхождении и деянии гетов (Getica). СПб., 2000. С. 99 (гл. 199–200).

⁴⁹ Лозный Л. Указ. соч. С. 106–107.

тем «варваров». Более прочные позиции заняла в «варварском» обществе военная аристократия. Вожди и дружинники (участники набегов, наемники в римской армии) еще больше, чем во времена Тацита, жили за счет грабежей, даней, даров. Этот «стиль» жизни стал определяющим для «варварской» молодежи и военной элиты. Весьма дифференцированной выглядит реконструкция общественной системы готов III–IV вв. австрийским историком Х. Вольффрамом⁵⁰. Многочисленные свидетельства в пользу этой тенденции представлены археологами. Так, в поселении Форбасс (Дания) с III по V в. выделялось своими размерами одно из хозяйств (оно имело чрезвычайно протяженную ограду; в IV в. этот усадебный комплекс включал длинный дом длиной 46 м (!) и еще четыре строения). На соседнем некрополе из 16 погребений выделялись расположенные в центре два богатых воинских захоронения. В них находились меч, щит, копье, дротик, в одном из них лежало римское латунное ведро. Оба воинских погребения окружены группой женских погребений (сопроводительный инвентарь: большие ожерелья, 5–6 фибул, в одном случае – римский стеклянный сосуд). Предположительно данный некрополь принадлежал зажиточной семье (клану). Возможно, он как-то соотносится с упомянутой усадьбой в Форбассе. В 300 м к востоку располагалось другое кладбище III–IV вв., состоявшее из погребений с гораздо более скромным инвентарем. Захоронения воинов здесь отсутствовали⁵¹.

В Скандинавии сохранялся «общий вектор» на устойчивое функционирование «хуторской структуры». По мнению А.А. Хлевова, «большие семьи», благодаря более совершенному орудиному набору и рациональным методам скотоводства, дополнявшимся присваивающими секторами экономики, могли поддерживать свое существование на требуемом уровне»⁵². Одновременно с этим как в Скандинавии, так и Германии мы наблюдаем появление более крупных поселений, включавших до нескольких десятков домов. Некоторые из них были результатом разрастания хуторов (например, поселение Вейстер)⁵³. Другие были основаны «варварами» в ходе миграций и колонизации новых территорий. На территории Германии, Централь-

⁵⁰ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 143–156.

⁵¹ Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 27.

⁵² Хлевова А.А. Указ. соч. С. 84.

⁵³ Тодд М. Варвары. С. 67–70.

ной Европы, Британии, Скандинавии, Северо-западного Причерноморья в эпоху Великого переселения народов распространяются многочисленные захоронения «варварских вождей». С погребением вандалского вождя связывается захоронение IV в. в Сакрау (Верхняя Силезия). Среди инвентаря представлены не только оружие, но и предметы быта (в том числе лежанка / кровать, стол, стулья). Богатые наборы посуды и украшений из железа, бронзы, драгоценных металлов (в том числе и римского производства) были найдены в захоронениях в Хобю и Йклинг на острове Лолланн (Дания), а также в Доллерупе (Восточная Ютландия)⁵⁴. Серия некрополей «варварских» вождей и воинов обнаружена в бассейне реки Саале (Германия). К элитным можно отнести и более поздние погребальные комплексы вождей в Венделе и Вальсгарде (Швеция) VI в., погребение вождя из могильника Петерсфингер в Англии, кенотаф Саттон-Ху и др.

В III–IV вв. мы наблюдаем становление более устойчивых сложных («вторичных») вожеств (готы, франки, аламанны, вандалы). В целом история германцев эпохи Великого переселения народов дает прекрасные возможности для изучения и детальной характеристики европейских вожеств, что является одним из перспективных направлений исследований. Фактически все этнополитические объединения германцев этого времени обладают весомой долей наиболее универсальных признаков вожества, таких как: 1) надлокальный (надклановый или надплеменной) уровень интеграции; 2) наличие единого лидера, объединившего гражданские и военные функции; 3) наличие иерархической системы принятия решения и институтов контроля за их исполнением; 4) четкая социальная стратификация, с тенденцией к выделению эндогамной элиты в замкнутое сословие (формирование рода правителей, например, потомков Меровея, и стратификация на этнической основе); 5) «престижная экономика» распространяется на все общество: публичная раздача материальных и сакральных (меч, кольцо и т.д.) благ в обмен на престиж, авторитет. Но распределение благ идет «по вертикали»: большую часть получает окружение вождя; 6) вожество как этнокультурная целостность характеризуется, как правило, общей идеологической системой и/или общими культурами и ритуалами; 7) верховная власть носит сакральный характер; 8) правитель вожества чаще всего харизматическая фигура, что порождает проблему насле-

⁵⁴ *Клиндт-Йенсен О.* Дания до викингов. СПб., 2003. С. 162–167.

дования власти, и поэтому вождество – структура незастрахованная от распада⁵⁵.

Наиболее исследован готский племенной союз в Северном Причерноморье. Как и другие союзы германцев, он включал более мелкие племенные и клановые группы⁵⁶, состав их был «подвижен» и изменялся. В сложных вождествах возникают более или менее устойчивые династии (Амалы и Балты у готов, «Гендинос» бургундов, потомки Меровея у франков в V в.). Границы их власти видны хотя бы в том, что такие правители «ставятся» племенем, как был «поставлен», по словам Иордана, «король» остготов Теодорих Великий. Наряду с этим у германцев и других «варваров» преобладала неустойчивая власть традиционно-харизматических лидеров, причем в одном племени, как и во времена Тацита, могло быть несколько вождей. Так, вестготов во время их переселения во Фракию возглавляли сначала Алавив, затем Фритигерн, Алатаей и Сафрак и даже «старейшины» Сферид и Колия⁵⁷. Показателен механизм функционирования власти у бургундов в описании Аммиана Марцеллина: «Цари ... по старинному обычаю, теряют свою власть, если случится неудача в войне под их командованием, или постигнет их землю неурожай»⁵⁸. Авторитет таких вождей часто держался и на дарах, продуктах и регалиях полученных от Рима. Племенные лидеры по мере возможности использовали арсенал «дистанционной» эксплуатации (римские дани-откупы).

Устойчивые племенные вождества франков, вестготов, остготов и вандалов прошли существенный этап в своем политическом развитии (в том числе связанный и с освоением римского политического опыта) в эпоху Великого переселения народов, что подготовило в известной мере возникновение ранних «варвар-

⁵⁵ Крадин Н.Н. Вождество. С. 16–17; Лозный Л. Указ. соч. С. 106–107, 110; Шеддел Р. Варианты протогосударственных обществ во временной последовательности // *Альтернативные пути к ранней государственности*. С. 63–67; Карнейро Р. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // *Альтернативные пути к цивилизации*. С. 89–93; Спенсер Ч. Политическая экономика становления первичного государства // Там же. С. 138–141, 143–152, и др.

⁵⁶ Например, правитель готов Германарих подчинил гольтескифов, тиудов, инаунксов, васианбронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегонов, колдов. Трудно сказать, что скрывалось за этими этнонимами, но, скорее всего, многие из них были интегрированы в состав готского союза.

⁵⁷ Аммиан Марцелин. Римская история. Кн. XXXI. 4. СПб., 1994. С. 496–498.

⁵⁸ Там же. XXVIII. 5. 1.

ских» государств на территории Западной Римской империи. Вождества получили распространение и в раннесредневековый период. Вероятно, сложными вождествами в V–VI вв. были англосаксонские королевства. Простыми и сложными вождествами являлись «малые королевства» Гаутланда, Норвегии и Дании⁵⁹. На территории Дании, по всей видимости к VI в., сложилось несколько племенных вождеских структур. Одной из них и была известная по письменным источникам «держава Скъэльдунгов».

Весьма наглядным примером сложного вождества выступает «держава Инглингов» (династы Старой Упсалы) в Швеции. «Сага об Инглингах» говорит о постепенном формировании важнейших атрибутов верховной власти Инглингов. Одним из ее элементов стал так называемый «редистрибутивный обмен», функционирование которого в Скандинавии нашло отражение в формуле саги: «По всей Швеции люди платили Одину подать по деньге с человека, а он должен был защищать страну и приносить жертвы за урожайный год»⁶⁰. Вероятно, в начале раннего Средневековья различные формы «оплаты» общественно-полезных управленческих функций стали нормой. По крайней мере, в саге неоднократно упоминаются «дани», выплачиваемые бондами, как легендарным, так и реально существовавшим Инглингам⁶¹.

Центральную роль в системе связей между населением и правителями этого периода играли жертвоприношения, сопровождавшиеся массовыми и многодневными пирами для бондов и окружения конунга⁶². Пирь должны были свидетельствовать о заботе конунга об урожае (а значит и о населении), о его щедрости, и тем самым поднять престиж правителя⁶³. Однако по мере развития сюжета «Саги об Инглингах», прослеживаются новые черты власти шведских конунгов, многие из которых, как уже отмечалось выше, могли быть результатом «перенесения» реалий IX–XI вв. на эпоху Инглингов. Однако они говорят нам о том, что

⁵⁹ Сванидзе А.А. Северо-Западная Европа... С. 172; Мельникова Е.А. От племени к раннему государству. Железный век // История Дании. С. 35, 36, 38.

⁶⁰ Сага об Инглингах // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 11–37. Гл. VIII. (Далее: Сага об Инглингах).

⁶¹ Там же. Гл. VIII, IX, X, XXVI, XXVII, и др.

⁶² Там же. Гл. IX, XI, XIX, XXX, и др.

⁶³ Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства (конец IX–начало XIII в.) // История Норвегии. С. 128; *Он же*. Викинги. С. 97–98; *Он же*. Культура средневековья и историк конца XX века. С. 217–218; Крадин Н.Н. Вождество. С. 29–30; *Он же*. Политическая антропология. С. 76–82, 96–98; Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб., 2001. С. 84, и др.

верховная власть эпохи викингов имела глубокие корни в прошлом. Главы XXX–XXXIII являются рубежными и, вероятно, отражают важный этап потестарно-политического развития скандинавского общества. Во-первых, наряду с утвердившейся традицией сбора «дани» происходит институализация вейцлы⁶⁴. В тексте «Саги об Инглингах» «дань» и вейцла различаются: в нескольких сюжетах саги подчеркивается, что конунг и собирал «дань», и ездил «по пирам»⁶⁵. Таким образом, параллельно с пирами-жертвоприношениями, которые устраивал конунг, зарождаются иная форма связей с населением и иная форма «оплаты» управленческой и жреческой деятельности правителя. Причем, пиры-жертвоприношения за урожай и пиры-тризны, организуемые правителем, сохраняются и существуют параллельно с вейцлой, но присутствуют на них теперь только представители элиты (конунги, ярлы, «знатные люди»)⁶⁶. Во-вторых, становление вейцлы связывается с возросшими возможностями правителя в распоряжении земельными ресурсами. «Конунг Энунд построил себе усадьбы во всех областях Швеции и ездил по всей стране по пирам»⁶⁷. Вероятно, строительство «королевских усадеб» было и единственно возможным средством управления и контроля за населением. Тесная связь в саге строительства «королевских усадеб» и появления вейцлы характеризуют их как единую систему архаичного властного права, получившего признание у населения и, тем самым, широкую социальную опору. Не случайно, «Сага об Инглингах» подчеркивает, что «в дни» конунга Энунда «были хорошие урожаи» и «из всех конунгов» его «больше всего любили»⁶⁸. В-третьих, наряду с увеличением объема общественного продукта, который получал и перераспределял правитель, зарождается управленческий аппарат и группа преданных конунгу профессиональных воинов. В «Саге об Инглингах» встречаются сведения о «назначении ярлов», а понятие «войско» (ополчение?) заменяет понятие «дружина конунга»⁶⁹. В-четвертых, расширяется внешнеполитическая деятельность правителей Упсалы. Важным элементом укрепления верховной власти стали походы в земли соседей, прежде всего финнов и датчан, с целью

⁶⁴ С главы XXXI появляется мотив поездок конунга на пиры. См.: Сага об Инглингах. Гл. XXXI, XXXIII, XXXV, XXXVII и т.д.

⁶⁵ Там же. Гл. XXXI.

⁶⁶ Там же. Гл. XXXVI.

⁶⁷ Там же. Гл. XXXIII.

⁶⁸ Там же. Гл. XXXIII.

⁶⁹ Там же. Гл. XXX, XXXI, XXXIII, XXXVI, XXIX, XLV и др.

получения большой добычи⁷⁰. И здесь опять срабатывало правило «престижной экономики» – полученная конунгом добыча шла на организацию пира для «многих знатных людей»⁷¹. Не случайно, что одной из главных позитивных характеристик лидера сага называет щедрость⁷². Таким образом, скандинавская редистрибуция в начале раннего Средневековья была связана с обязанностями вождя перераспределять внутренний и внешний прибавочный продукт. Обязательными были жертвоприношения богам и жертвенные пиры в начале зимы за урожайный год, в середине зимы – за весеннее прорастание и летом – за победу⁷³.

Власть в «державе Инглингов» носила догосударственный характер (сведение главных задач управления к жертвоприношениям; родоплеменной принцип обложения «данью», которая возможно была сознательным и текстовым анахронизмом⁷⁴, ее иррегулярный и ненормированный характер; добровольность вейцлы; фактическое отсутствие «управленцев», консолидированных не только личной преданностью верховному правителю, но и получением четко фиксированной доли от доходов конунга; конунг не выступает в качестве источника закона и т.д.). Это позволяет определить «державу Инглингов» как сложное вождество. Причем в «Саге об Инглингах» нашли отражение все наиболее характерные черты таких образований. В этом источнике прослеживается не только формальная (божественное происхождение всего рода Инглингов, переход власти по наследству от отца к сыну⁷⁵), но и «реальная» сакрализация власти вождя, связанная с успехами его «управленческой деятельности». Укоренилось представление о том, что удачливый конунг «дарует» урожай и богатство. Правда, конунг мог не оправдать ожидания населения и даже быть сверг-

⁷⁰ Там же. Гл. XXXI.

⁷¹ Там же. Гл. XIX.

⁷² Там же. Гл. XXI.

⁷³ Там же. Гл. VIII.

⁷⁴ Гуревич А.Я. «Круг земной» в истории Норвегии // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 612–613.

⁷⁵ В подавляющем большинстве случаев власть конунга непосредственно переходит от отца к сыну. Нарушение принципа наследования связывалось только с исключительными обстоятельствами. Так, Хуглейк, сын Альви, стал конунгом лишь потому, что сыновья его дяди Ингви (законные наследники) были еще малы, и Хуглейк был ближайшим родственником Ингви (Сага об Инглингах. Гл. XXII). Узурпация власти была незаконной и, как правило, заканчивалась плачевно для «антигероя». Захвативший силой оружием власть Сельви, в конечном итоге был свергнут и убит (Сага об Инглингах. Гл. XXXI).

нут или принесен в жертву, как это произошло с Дональди из-за неурожаев и голода⁷⁶. Скандинавы того времени понимали буквально связь благополучия населения с личностью конунга: «Шведы обычно считают, что конунг – причина как урожая, так и не урожая»⁷⁷.

Следующим этапом потестарно-политической эволюции «варваров» стало раннее государство. Вопрос о ранней государственности в неозволюционистской трактовке рассматривается на основе институционального подхода. Взгляд на государственную власть как на институт, в котором узаконено право на применение силы, вряд ли подходит для Средневековья. Даже в классический период короли зачастую не располагали «аппаратом насилия» – достаточно вспомнить о конфликте Иоанна Безземельного с баронами. Институциональный подход к формированию ранней государственности представляется одним из наиболее универсальных и дает возможность при всей специфике регионов и конкретных обществ точно определить степень сформированности раннегосударственной системы. Эффект становления государства возникает именно тогда, когда в том или ином обществе наблюдается сочетание большинства раннегосударственных институтов. Антропологи выделили следующие черты ранней государственности: 1) переход от этнического к территориальному принципу административного деления; 2) появление наряду с редистрибутивными механизмами и данью налоговой системы (перерастание дани в налоги); 3) формирование из состава дружины, родственников правителей, представителей церкви, крупных землевладельцев и т.д. примитивного аппарата управления (центрального и провинциального); 4) письменная фиксация обычного права с подчеркнутой ролью короля (вождя); распространение письменного делопроизводства; 5) сопровождение становления государства принятием христианства (государственная идеология, которая объединяла этнически разрозненные клановые группы и усиливала сакральный характер верховной власти); 6) сохранение догосударственных институтов (сотенные собрания, суд) и формализация общеплеменных собраний с их постепенным подчинением королю и его окружению; 7) взгляд на власть как на собственность семьи правителя, поэтому все мужские представители королевской семьи воспринимались как носители власти, что вело к междоусобным конфликтам, но поз-

⁷⁶ Там же. Гл. XV.

⁷⁷ Там же. Гл. XLIII.

воляло обеспечивать преемственность власти в рамках одного клана (одной семьи)⁷⁸.

«Варварские» государства V–XI вв. существенно различались по всему характеру и динамике развития. Первыми были «королевства», возникшие на территории бывших римских провинций в V–VI вв. (Вестготское, Остготское, Франкское и др.). Англосаксонские «королевства» (Мерсия, Нортумбрия, Уэссекс, Суссекс и др.), вероятно, только к VII в. трансформировались из племенных вожеств в ранние государства. Гораздо позже (X–XI вв.) появились ранние государства на севере Европы. Нельзя однозначно все политические образования «варваров» обозначать как «ранние государства». Это весьма проблематично для Остготского и Вестготского королевств. Первое с момента своего провозглашения (493 г.) представляло собой один из типов зрелого традиционного государства, базировавшегося на римских принципах управления. Сохранение ряда институтов «готской» власти принципиально картину не меняет. Уровень германо-романского синтеза в данном политическом образовании отражает законодательство Теодориха Великого. Несколько иным путем развивалось королевство вестготов. Возникнув в 418 г. как раннее государство, оно к концу V в. прочно интегрировалось в римскую систему (аппарат чиновников, налоги, законодательство) и приобрело более зрелый характер.

Переходный характер, скорее всего, имело и королевство вандалов. Поскольку ревностный приверженец арианства Гейзерих не доверял римлянам, он уничтожил большую часть римских военных и гражданских чиновников в Северной Африке, а также налоговые кадастры. С территории королевства изгонялись крупные землевладельцы и ортодоксальное католическое духовенство. Гейзерих на правах верховного собственника земли в государстве конфисковывал имущества и виллы римской знати и раздавал их вандальской знати, рядовым вандалам и представителям арианской церкви. Вандальская родовая и служилая знать получала виллы и усадьбы. Каждый рядовой вандал располагал зе-

⁷⁸ Лозный Л. Указ. соч. С. 105–106, 113–114; Наас Дж. Пути к государственности // Альтернативные пути к ранней государственности. С. 19–22; Крадин Н.Н. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному. С. 14–16; Он же. Современные данные о происхождении государства. С. 26; Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 118–119; Спенсер Ч. Указ. соч. С. 141–142; Шаедел Р. Варианты протогосударственных обществ во временной последовательности // Альтернативные пути к ранней государственности. С. 60–67, и др.

мельным наделом со скотом, рабами и колонами. Распределение осуществляли «тысячники», которые исполняли военные и административные функции. Вскоре была восстановлена и налоговая система. Выстраивание привилегий и прав короля встретило сопротивление родовой знати, мятеж которой был жестоко подавлен Гейзерихом около 440 г. Это позволило вандалскому королю ликвидировать демократические институты власти, в том числе и собрания свободных вандалов. Установился принцип старшинства при наследовании престола. Вандалская родовая знать была отстранена от политической власти (отдельные ее представители являлись крупными военачальниками); королевская администрация формировалась только из служилой знати и арианского духовенства⁷⁹. Более классические формы ранней государственности прослеживаются у франков. Здесь мы найдем сочетание почти всех характерных признаков раннегосударственных систем. Особенно стоит обратить внимание на наличие в этих королевствах разных законодательств для «варваров» и для римлян.

«Вторая волна» образования ранних «варварских» государств в Европе приходится на IX–XI вв. В Северной Европе это было связано с «эпохой викингов» (конец VIII в. – середина XI в.). Ранние государства возникли в IX в. в Дании, в начале XI в. – в Норвегии и Швеции. Во многом раннегосударственные черты сохраняло единое королевство англосаксов при Альфреде Великом в конце IX в. Одним из наиболее показательных примеров становления раннего государства служило правление в Норвегии конунга Харальда. Идеальная система управления раннего скандинавского государства описана в главе VI «Саги о Харальде Прекрасноволосом»: «Всюду, где Харальд устанавливал свою власть, он вводил такой порядок: он присваивал себе все отчины и заставлял всех бондов платить ему подать... Он сажал в каждом фюльке ярла, который должен был поддерживать закон и порядок и собирать взыски и подати. Ярл должен был брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы. У каждого ярла было в подчинении 4 херсира или больше, и каждый херсир должен был получать 20 марок на свое содержание. Каждый ярл должен был поставлять конунгу 60 воинов, а каждый херсир – 20. Харальд конунг настолько увеличил дани и подати, что у ярлов было теперь больше богатства и власти, чем раньше у конунгов»⁸⁰.

⁷⁹ Диснер Г.-И. Королевство вандалов: взлет и падение. СПб., 2002. С. 66–72.

⁸⁰ Сага о Харальде Прекрасноволосом // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 42–67. Гл. VI (Далее: Сага о Харальде Прекрасноволосом).

Стоит отметить несколько важных изменений, закреплявших установление единой власти в Норвегии: 1) Харальд провозгласил верховную титульную собственность на землю. Сам факт «отнятия одаля» у бондов, вызывает возражение со стороны исследователей⁸¹. Но в саге скорее всего речь идет о признании короля формальным верховным собственником земли, что давало ему право осуществлять сбор налогов со всех бондов⁸². Таким правом, например, обладал франкский король, но это не означало, что он «отбирал» аллоды у свободных франков. 2) Вместо конунгов фюльков назначались ярлы и херсиры, из которых формировалась примитивная иерархия чиновников, выполнявших определенные гражданские и военные функции (суд, исполнение приговоров, сбор налогов и штрафов, формирование и руководство воинскими подразделениями). Полномочия ярлов при Харальде Прекрасноволосом во многом напоминают прерогативы франкских графов при первых Меровингах. 3) Взамен ненормированной дани («подати Одина») введена единая подать (налог) с каждого бонда, т.е. с каждого хозяйства⁸³. 4) Доходы от податей распределялись четко по иерархии – ярлы на содержание себя и своих людей получали третью часть, из которой выделяли средства херсирам. 6) Харальд, по-видимому, присвоил себе право получения штрафов за преступления⁸⁴, сбор которых осуществляли непосредственно ярлы. 7) Практика «вейцлы» расширилась, выросли также ее размеры (организация вейцлы требовала сооружения специальных помещений для пира, угощения конунга с его возросшей дружиной и гостями, а так же отдельные подарки конунгу). Теперь конунг позволял себе «велеть» готовить пиры⁸⁵. Приказы

⁸¹ Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977. С. 115; Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства. С. 137; Гуревич А.Я. От пира к лену. С. 7–13.

⁸² Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 66.

⁸³ А.Я. Гуревич, вопреки многочисленным сведениям саг о сборах податей с бондов, отрицает факт выплаты населением каких-либо государственных налогов. См.: Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства. С. 129.

⁸⁴ Весьма показательны в этом отношении материалы саг: «Когда Кейтель узнал, что конунг предуготовил ему ту же судьбу, что и другим могущественным мужам, – не получать виру за родичей и самим превратиться в податных людей...» См.: Сага о людях из Лаксдаля. (Сага о людях из Лососьей Долины) // Исландские саги. М., 1956. С. 253–439; Исландские саги: в 2-х т. СПб., 1999. Т. I. С. 217–410. Гл. II. (Далее: Сага о людях из Лаксдаля.)

⁸⁵ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Гл. XIV, XXV. Необходимо отметить, что система пиров (сакральное общение правителей с населением) пронизывала всю вертикаль власти вплоть до «могучих» бондов, устраивавших пиры для своих родственников и близких. См.: Сага о людях из Лаксдаля. Гл. III.

об организации пиров превращали вейцлу из редиистрибутивной традиции в государственное право.

Кроме того, конунг Харальд осуществлял набор в свое окружение не по клановому принципу, а по личным качествам⁸⁶. И даже сыновья Харальда долгое время были отстранены от управления, так как назначенные конунгом люди были опытнее и авторитетней. Харальд учредил законы в некоторых фюльках⁸⁷, мог заставлять тинги принимать выгодные для себя решения, наказывать бондов по своему усмотрению⁸⁸ и т.д. Все это свидетельствует о том, что король стремился монополизировать право суда и издания закона, что, однако, удалось ему лишь отчасти. Внутренние конфликты между ярлами и сыновьями Харальда Прекрасноволосого, вынудили короля обеспечить преимущество собственному роду над другими знатными семьями в Норвегии. Харальд ввел принцип наследования власти Инглингов, когда объявил на тинге в Уппленде, что только его сыновья и их потомки будут являться конунгами. Территория Норвегии была разделена между сыновьями Харальда (по несколько фюльков), и те получили в каждом из фюльков половину доходов, а также право занять промежуточное место во властной иерархии между конунгом и ярлами⁸⁹. Необходимо упомянуть о возникновении в этот период крупных королевских усадеб (они строились в регионах, где были сильны сепаратистские настроения⁹⁰), торговых центров – виков (Скирингссаль-Каупанг⁹¹). Уровень политической консолидации отразило и появление общегосударственного названия – Норвегия.

А.Я. Гуревич довольно скептически высказывался о «реформировании» Харальда Прекрасноволосого, считая, что конунгу не удалось создать государственный аппарат и он не имел прочной социальной опоры⁹². Но некоторые сведения саг позволяют предполагать, что подобные оценки не совсем справедливы. Харальд часто был вынужден «назначать» ярлов из местной элиты и даже из числа бывших конунгов (показателен пример с конун-

⁸⁶ Там же. Гл. IX.

⁸⁷ Там же. Гл. X, XXXIII.

⁸⁸ Там же. Гл. XIII.

⁸⁹ Там же. Гл. XXXIII.

⁹⁰ Там же. Гл. IX; *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 67; *Розсдаль Э.* Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 108, 113.

⁹¹ *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 100–119; *Гуревич А.Я.* Викинги. С. 107–115;

⁹² *Гуревич А.Я.* Образование раннефеодального государства. С. 129–130, 132. Сомнения А.Я. Гуревича разделяют Люсьен Мюссе и Эльза Розсдаль: *Мюссе Л.* Указ. соч. С. 85; *Розсдаль Э.* Указ. соч. С. 68.

гом Наумудаля Хроллаугом, который лично выполнил символическую процедуру низведения себя из конунгов в ярлы⁹³), причем их власть могла быть наследственной⁹⁴. Но существуют и другие примеры, когда наиболее преданные конунгу люди (герцог Гутхорм, ярл Регнвальд, ярл Хакон) «назначением» перебрасывались в наиболее проблемные регионы. Их влияние в управляемых фюльках строилось не на принципе племенного лидерства, а на их авторитете, поддержке конунга, военной мощи государства и особых отношениях с местной элитой (назначив Регнвальда ярлом Мера, конунг Харальд «...обеспечил ему поддержку со стороны, как знатных людей, так и бондов и дал ему корабли для защиты страны»⁹⁵).

Конечно, необходимо помнить, что речь идет о ранних этапах формирования власти, носившей, несомненно, архаичный характер. Созданная конунгом Харальдом система управления во многом поддерживалась его собственным авторитетом⁹⁶ и часто давала «сбой»: конфликты между сыновьями Харальда конунга и назначенными им ярлами; борьба за верховный престол между наследниками Харальда, которая началась еще до его смерти⁹⁷. К тому же со временем ярлы получили довольно значительную автономию, что в дальнейшем ослабит королевскую власть. Сохраняли и даже увеличивали свою роль тинги различных уровней, действовавшие часто в противовес государству⁹⁸. Еще одной уязвимой стороной государства Харальда было принижение бондов, которые оказывали пассивное (миграция норвежцев на Британские острова и в Исландию) и открытое военное сопротивление политике Харальда (восстание жителей четырех фюльков во главе со своими конунгами и ярлами, постоянные набеги викингов) и в конце концов свергли его сына Эйрика Кровавая Секира, который пытался править методами своего отца⁹⁹. В дальнейшем наблюдаются довольно регрессивные тенденции в политическом развитии Норвегии, кото-

⁹³ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Гл. VIII.

⁹⁴ Там же. Гл. XXVIII, XXIX.

⁹⁵ Там же. Гл. X.

⁹⁶ Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства. С. 130, 132.

⁹⁷ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Гл. XXIX, XXX, XXXIII, XXXIV, XXXV и др.

⁹⁸ Гуревич А.Я. Образование раннефеодального государства. С. 130.

⁹⁹ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Гл. XI, XVIII, XIX, XXII; Сага о людях из Лаксдала. Гл. II, III; Сага о Хаконе Добром // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 67–87. Гл. III.

рые привели к существенной деградации королевской власти. Лишь только с Олавом Трюггвасоном связан новый этап укрепления государства¹⁰⁰.

Своей спецификой отличался датский вариант становления раннего государства. Если общее направление эволюции от нескольких «королевств» (вожеств) вендельского периода к единому раннему государству в целом напоминает и англосаксонский, и норвежский пути, то механизмы функционирования ранней государственности в Дании оказались несколько иными. В сравнении с Норвегией устойчивость раннегосударственной системы в Дании в конце X – первой трети XI в. обеспечивалась внешней экспансией и получением дани и других выплат от населения в контролируемых зонах Северной Европы, прежде всего «данегельда» в Англии. Причем, если для норвежского конунга Олава Трюггвасона данегельд служил лишь средством захвата власти в Норвегии, то для датских королей из династии Кнютлингов получение и распределение данегельда обеспечивало и большую эффективность управления, и боеспособность армии, и поддержание престижа и авторитета самой власти. Но ориентация всей системы «престижной экономики» на внешние изъятия косвенно свидетельствует о том, что возможности королевской власти в самой Дании были весьма ограниченными. Если судить по источникам и научной литературе, говорить о возникновении в Дании сколько-нибудь устойчивой системы государственных поборов и повинностей при Горме Старом, Харальде Синезубом, Свейне Вилобородом и даже Кнуте Великом крайне сложно. Несомненно, что существовала какая-то сеть управления и контроля за датскими территориями в лице ярлов и других представителей верховных конунгов (иначе тогда вряд ли вырезанная на камне в Йеллинге надпись, гласящая о «подчинении Дании» и «крещении данов», соответствовала бы реалиям датской истории последней трети X в.¹⁰¹). Однако характер и формы взаимодействия ярлов и местного населения вне военной сферы нам практически не известны¹⁰². По-видимому, именно формирование «профессиональной» армии при Кнютлингах стало главным структурообразующим элементом раннегосударственной власти. О раннегосударственном характере политической системы в Дании середины X – начала XI в. свидетельствуют и чеканка монеты, и появ-

¹⁰⁰ Сага об Олаве сыне Трюггви. Гл. LI.

¹⁰¹ Мельникова Е.А. Образование датского государства. С. 45.

¹⁰² Там же. С. 69–72; Роэсдал Э. Указ. соч. С. 66, и др.

ление как торговых городов, так и укрепленных военно-административных центров¹⁰³.

Факторы становления ранней государственности были различными. Среди общих в первую очередь следует назвать завоевания «варваров». Франки или, к примеру, лангобарды вынуждены были создавать политические структуры с целью управления завоеванным романизированным населением. Так, сбор «трибуты» требовал организации специального аппарата фискалов. Тем самым для «варваров» создание государства было одним из способов адаптации к новым условиям вынужденного взаимодействия с «римлянами», которые к тому же значительно превосходили завоевателей по численности. Это вело к ускорению политогенеза. В Британии англосаксы создавали свои протогосударства путем уничтожения, подчинения и вытеснения кельтов, а также в упорной борьбе между собой. В IX–X вв. к внутреннему соперничеству добавилась необходимость противоборства с викингами. Именно в борьбе с ними уэссекская династия смогла укрепить государство и объединить все англосаксонские владения в Британии в единое королевство. Несколько иной аспект имели завоевания в Норвегии конунгом Харальдом Прекрасноволосым соседних фюльков: активное сопротивление мелких конунгов и свободных бондов требовало учреждения жесткой централизованной системы для сохранения контроля за населением, сбора налогов, организации армии. В Дании централизаторские действия конунгов стимулировались давлением со стороны франков, ободритов и саксов, а позже целенаправленными военно-политическими акциями Каролингов и Оттонов.

Многие элементы ранней государственности стали следствием предшествующего управленческого опыта «варваров». Сотенные собрания стали основой примитивной территориально-административной системы. Локально расселившиеся в Галлии франки образовывали новые административные округа – графства. Графы, наряду с другими королевскими «чиновниками», становились проводниками политики королей. Но необходимо указать и на заимствование римского опыта. «Варвары» не ограничивались только употреблением пышной римской титулатуры. Они использовали законодательные и налоговые практики римлян, территориальные округа зачастую создавались на основе римских

¹⁰³ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 89–90; Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 83–89. Клингт-Енсен О. Ранние города и укрепления // Там же. С. 130–134, и др.

диоцезов, по римским образцам чеканились монеты королей. Нельзя забывать о влиянии на «варваров» римского общественного строя в целом. Также имело значение и увеличение численности населения, появление крупных сельских поселений и городов, развитие церковных структур, которые часто были задействованы в системе управления.

Другие факторы становления государства были связаны со стремлением королей упрочить свою власть. Идеологическим средством такого упрочнения была христианизация и новый статус власти («от Бога»). Однако «варварским» королям важно было создать и прочную социальную опору, поэтому они законодательно укрепляли статус своего окружения: практически все королевские «варварские» законы предполагали самые высокие вергельды за преступления против королевских людей. При этом «реальное» происхождение играло второстепенную роль (см., например, § 2 титула LIV «Салического закона» об убийстве сацебарона или вице-графа – королевского раба). По этой же причине короли были заинтересованы в сохранении собраний свободных германцев, тем более что санкция этих собраний делала королевскую власть легитимной. Экономическую основу власти составляли титульная собственность на землю, налоги, штрафы, повинности, пошлины, военная добыча. Все они служили объектами «размена» между королем и его подданными. Авторитет и престиж власти во многом поддерживался раздачами имущества. Все названные выше факторы в большей или меньшей степени рассматриваются в историко-антропологической литературе как типичные¹⁰⁴.

Важно подчеркнуть, что многие из отмеченных признаков становления верховной власти и государства в «дофеодальных обществах» Европы, при известной специфике, являлись модификациями институтов ранней государственности, известной и в Европе, и за ее пределами в широком хронологическом диапазоне от древности до колониальной эпохи. Все это говорит о возможности рассмотрения потестарно-политического развития ряда европейских стран периода раннего Средневековья вне контекста феодальных систем. При этом в Западной Европе формирование

¹⁰⁴ Амброзио Дж.Н. Внешние контакты между обществами и возникновение государства // *Альтернативные пути к ранней государственности*. С. 71–73; Шэдел Р., Робинсон Д. Становление государства в доколумбовой Америке // *Альтернативные пути к цивилизации*. С. 159–168; Крадин Н.Н. Современные данные о происхождении государства. С. 24, 27–28, и др.

раннефеодальных монархий стало основным направлением трансформации ранних «варварских» государств. И этот переход требует еще тщательного изучения как в рамках концепции генезиса феодализма, так и путем привлечения теоретических и конкретных разработок антропологов и историков, связанных с познанием этапов и факторов становления государства. В этом отношении неозволюционистская схема политогенеза дает в руки медиевистов удобный «инструментарий» для исследования власти в «дофеодальных» обществах, детализации наших знаний о формах управления у «варваров», сравнения отдельных институтов и политических систем в целом, их классификации.